

Л.Г. БЫЗОВ

Ценностная эволюция “путинского консенсуса” в первый год последнего президентского срока

В статье автор на базе сравнительных исследований Института социологии (ФНИСЦ) РАН и ВЦИОМ 2017–2019 гг. анализирует процесс перехода “эпохи Путина” от стадии консолидации на основании общественного консенсуса, возникшего в 2012–2014 гг. (так называемого “крымского консенсуса”), к нынешнему предкризисному состоянию. Хотя последнее не может быть однозначно интерпретировано как раскол, ценностные противоречия нарастают, правда, крайне медленно. Идея сильного и эффективного государства отдана на откуп наименее модернизированным слоям населения, тогда как в актуальном государстве усиливается разочарование со стороны всех слоев общества. Все сильнее проявляющийся запрос на перемены пока не обрел никакой политической “плоти”, что делает неизбежный транзит эпох крайне рискованным для страны и общества. Автор показывает, что “путинский консенсус” продолжает жить, несмотря на эрозию с флангов – в первую очередь левых либералов – главных противников системы.

Ключевые слова: консолидация, дисбаланс, общественный договор, консервативное большинство, либеральное меньшинство, запрос на перемены, легизм, европейский выбор, путинское большинство.

DOI: 10.31857/S086904990005815-8

В 2018 г., когда начался последний президентский срок В. Путина, все чаще стали говорить о начавшемся “транзите” режима и о завершении длившейся почти 20 лет эпохе его имени. Никто не знает, будет ли сопровождаться этот транзит потрясениями и кризисом государственности, хотя экспертами не исключается и такой вариант. Проблемы, начавшиеся буквально сразу после триумфальных для Путина выборов марта 2018 г., обнажаются с пугающей скоростью, а позитивных идей режим более почти не предлагает. Как отмечает известный экономист и социолог М. Делягин, “без форсированного решения... задач сохранения до 2024 г. стабильности и самой российской государственности с учетом внешних и внутренних напряжений представляется невозможным” [Делягин 2018, с. 10]. Режим, казавшийся прочным в своей “бронированности” и безальтернативности, занят теперь только охранительством и ветшает на глазах. Кто может – уезжает, временно или навсегда, кто-то, как некоторые соседние народы, явно дистанцируется от России, остальные покорно терпят надвигающееся неизбежное. Искомый “русский проект” формирования новой национальной государственности заменен псевдопатриотической имитацией. Это – картина первого года после выборов, когда еще не понятно: что-то происходит (какие-то подвижки в массовом сознании) или не происходит ничего. Что должно вызывать большее удивление – все более явные черты заката режима или что столь длительное время ему удавалось (и продолжает удаваться) поддерживать стабильность?

Бызов Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35. E-mail: isras@isras.ru

Автор этих строк по итогам выборов Президента РФ в марте 2018 г. принял участие в коллективной монографии ВЦИОМ “Выборы после Крыма” и завершил свой раздел словами “...новый срок В. Путина станет для него самым тяжелым испытанием всей его жизни” [Бызов 2018, с. 144]. Действительно, минувший после выборов год прошел очень непросто, начавшись непопулярной пенсионной реформой, и привел к значительному росту социального напряжения в стране. Однако этот рост все же не стал пока фактором дестабилизации. 58% опрошенных в 2018 г. россиян видят рост напряжения, но он явно и не носит обвального характера. Так, по данным Института социологии РАН, 22,2% полагают, что ситуация такая же, как раньше, почти столько же (21,1%) считают, что напряжение существенно возрастает, но более значительная часть опрошенных (36,7%) дает оценку, согласно которой напряжение возрастает лишь немного. В то же время 14,5%, напротив, отвечают, что напряжение немного снижается, а 5,6% – что оно существенно снижается.

О том же свидетельствуют и материалы фокус-групп, проведенных в марте 2019 г. группой исследователей [Белановский, Дмитриев, Никольская 2019]. Согласно этим исследованиям, наиболее очевидный признак происходящих изменений – преобладающее мнение, что твердая президентская власть за прошедшие почти 20 лет себя не оправдала, а негативистский тренд по отношению к власти и персонально к Путину усилился. Обвала власти с ростом напряжения не произошло и пока не предвидится, а ресурсы долготерпения общества продолжают казаться бескрайними, “час X” переносится на 2020 или 2021 г., или еще дальше, за пределы 2024 г.

Разобраться в неоднозначных итогах 2018–2019 гг. попытаемся, опираясь, как и обычно, на результаты мониторингового исследования ФНИСЦ (ИС РАН), последняя, девятая волна которого была проведена в конце 2018 г.¹. Говоря об этих итогах и различая оптимистический взгляд (“все утрясется”) и пессимистический (“надвигается коллапс”), автор этих строк не скрывает, что он – скорее пессимист. Склоняться к пессимистическому прогнозу заставляет даже не картина общественного мнения, а более общие соображения, связанные с состоянием российского общества как такового, включая его культуру, этнические характеристики, традиции и институты.

Не раз приходилось говорить и писать о том, что состояние мобилизации, часто называемое “посткрымским”, если даже не касаться политических и экономических издержек, стало своего рода перегревом для нашего национального самосознания, находящегося “по условному Гумилеву” в фазе глубокой обскурации. Идеи “русской весны” оказались недостижимы (что можно было предположить), общество остается атомизированным, “новая русская нация”, которую столь долго ждали, так и не сформировалась, а за короткий период мобилизации предстоит расплачиваться болезненной ломкой, которую мы и начали наблюдать особенно интенсивно в 2019 г. Постмобилизационная ломка обнажила беспрецедентную в новейшей истории слабость “русского мира”, сворачивающего свое цивилизационное присутствие всюду, включая самое ближнее зарубежье, не способного поддерживать науку, культуру, образование на уровне, достойном одного из мировых центров цивилизации. Но есть и что-то, что внушает определенные нотки оптимизма. С них и начнем.

На мой взгляд, наиболее существенным обстоятельством, в котором, как в болоте, тонули все попытки выстраивания современной системы общественных отношений, оставалась глубокая атомизация россиян. Крайне низкий уровень доверия друг к другу, отсутствие живого интереса не только к политике (лишь 3% россиян испытывали к ней большой интерес), но и вообще ко всему, выходящему за пределы собственной квартиры или участка, – все эти показатели, находившиеся на стабильно низком уровне, начиная с конца 1990-х гг., вдруг неожиданно в 2018 г. пошли вверх как на дрожжах. Об этом свидетельствуют результаты опросов и Левада-Центра, и Института социологии РАН,

¹ Здесь и ниже – базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”, созданные при финансовой поддержке Российского научного фонда 2014–2018 гг. (9 волн). Опрашивалось по 4000 человек.

и других социологических служб в той связи, которая касается чувства ответственности за происходящее кругом. Последние десятилетия у россиян отмечалась наибольшая дистанцированность от личной ответственности и влияния на то, что происходит в их городе, и на происходящее в стране. В этих сферах число опрошенных, не ощущающих свою ответственность или влияние, значительно преобладало над числом тех, кто чувствовали свою сопричастность к происходящему. Однако за прошедший год осознание личной ответственности среди россиян, касающейся городского (локального) и общестранового уровня, существенно выросло (см. табл. 1). Это обусловлено социально-политическим контекстом, который перенаправил внимание россиян с внешнеполитических событий последних лет (Украина, Сирия, санкции) на внутрироссийские (пенсионная реформа, рост цен и пр.).

Таблица 1

Ощущение ответственности за то, что происходит в стране (в %)

Время опроса	2006, октябрь	2014, ноябрь	2016, июнь	2017, октябрь	2018, октябрь
В полной мере	2	2	3	4	13
В значительной мере	7	13	8	5	15
В незначительной мере	23	36	22	24	28
Совершенно не чувствую	59	41	64	60	41
Затруднились ответить	8	7	4	6	3

Источник: [Общественное... 2019, с. 36].

Но пока это тоже скорее декларации, хотя стали появляться примеры успешных общественных инициатив – мусорные бунты в Московской и Архангельской областях, борьба в Екатеринбурге за сохранение сквера, где было намечено строительство храма, и т.д. Вспоминаются и некоторые экологические и культурно-охранительные инициативы, не говоря уже о провале “партии власти” на выборах в ряде регионов. Но все же говорить о том, что началась реальная самоорганизация общества снизу, еще преждевременно. Это пока тоненькие ручейки, не делающие весны, на фоне сохраняющегося ледяного безразличия к любой общественной активности большинства.

Надо заметить, что именно из способности к самоорганизации рождаются современные институты и потребность в них. Самоорганизация возникает, когда другие возможности для развития бывают исчерпаны. У нее есть своя политическая “виагра”: религиозное сознание (XVI–XIX вв.) или национализм (XIX–XX вв.), которые потом сами становятся тормозами на пути к общегражданскому обществу. Но сегодня в России говорить о самоорганизации преждевременно, скорее мы наблюдаем появление факторов, которые могут привести к самоорганизации. Стоит отметить и следующее: при оценке процессов самоорганизации следует обращать внимание на то, что С. Белановский называет “локусом контроля”. Локальную самоорганизацию мы наблюдали в начале 1990-х гг., когда в условиях анабиоза государственных и социальных институтов стала происходить интенсивная самоорганизация, приведшая к тому, что потом получило название “бандитский капитализм”, и последствия чего мы ощущаем по сей день.

С самого начала возникновения нынешнего режима в “нулевые” [Бызов 2013; Бызов 2001] было понятно, что режим весьма устойчив, причем не в силу тех или иных личных качеств лидера (персоналистский режим), не в силу работающих институтов, которые и тогда были слабы, а в силу сформировавшегося социального и ценностного баланса. Этот баланс имел место в “нулевых” годах, но дальнейшая персонализация режима сделала его неустойчивым, зависимым от привходящих факторов. Тем не менее он во многом остается продуктом архетипического восприятия обществом власти. По мнению исследователя архетипов Н. Матросовой, “архетипическое сознание явилось прасознанием человечества, своеобраз-

ным синтезом реального и сакрального миров. Оно рождает устойчивые ментальные образы — архетипы хранящие опыт поколений. Проявления этой исходной универсальной формы сознания человечества могут быть различными” [Матросова 2013, с. 38].

В первые годы режима вплоть до нынешнего времени существует власть, воспринимаемая обществом как традиционная, “должная”, потребность в рыночной модернизации уменьшилась, но она продолжает существовать. Так виделось и “государственникам”, и патерналистам, и национал-патриотам, ибо многие сектора общественной жизни оказались выведены из-под “всесокрушающей” руки свободного рынка, а страна, выражаясь языком пропагандистских штампов, стала “подниматься с колен”. Однако архетипические основания доверия власти постепенно тают. Белановский выделяет два основания поддержки режима, позволяющие ему опираться на архетипический фундамент. Первое — справедливость базовых оснований режима, “народный легизм”; второе — сила и связанное с ней ощущение безопасности, “державный легизм”. «Народный легизм — это идея о том, что сильный правитель способен устранить любую несправедливость, о которой сможет узнать. Народ понимает, что это непростая задача, но тешит себя надеждой, что когда-нибудь это произойдет. Державный легизм представляет собой явление, основная идея которого — культ военной силы, способной противостоять всему миру, “защитить от любого агрессора” и даже распространять по миру всему свое геополитическое “влияние”» [Белановский 2018]. Обе эти формы легизма не противостоят друг другу, так как сочетают справедливое внутреннее устройство со справедливым миропорядком, их можно отнести к числу консервативных, архетипических. По сути это одно явление, один объект, но как бы имеющий две головы, у каждой из которых корни в архетипическом сознании народа, а в их основании — многовековой коллективный опыт, сформировавший то, что называется национальной “матрицей”.

На момент своего формирования путинский режим опирался скорее на конструкцию державного легизма, тогда как справедливым не считался никогда. Однако дефицит социальной справедливости компенсировался в “нулевые” быстрым ростом доходов средних, наиболее массовых слоев общества. Сформировался социальный контракт — “вы не мешаете нам жить и зарабатывать как можем, мы не вспоминаем про ваши состояния и их источники”. Именно этот контракт позволил сформировать “путинское большинство” с ядром в неполиитизированных, консервативных сегментах общества. Сегодня этот контракт “поплыл”, но сохраняется инерция страха утраты хоть какой-то стабильности. А это играет на руку режиму.

У либералов, противостоящих консерваторам как социальной, так и державной направленности, есть также “две головы” — это рыночники, малочувствительные к демократическим и правозащитным процессам, и демократы, акцентирующие темы защиты прав человека, экологии и другие темы аналогичной направленности. Эти две группы, возникшие на базе единого демократического движения в 1991–1993 гг., все больше отдаляются друг от друга. По целому ряду характеристик они располагаются на разных полюсах: “рыночники” — одна из самых лоялистских групп, “демократы” — самая протестная.

Итак, на одном полюсе общественно-политического спектра находятся консерваторы социальной и державной ориентации (самая многочисленная группа), на другом — либералы, как правые (сторонники рынка), так и левые (сторонники социальных приоритетов). За этой простой классификацией стоит на редкость стабильная система ценностных установок, сформировавшаяся еще на заре путинской эпохи и с небольшими вариациями сохранившаяся до наших дней. Исследование, проведенное ИС ФНИСЦ РАН осенью 2018 г. (9 волна Мониторинга), было посвящено именно ценностной классификации респондентов², уже немного отошедших от навязчивой пропаганды мартовских выборов. В ряде публикаций я не раз писал о принципах классификации общественного мнения по идейно-политическим основаниям, сделаю это максимально кратко еще раз.

² Расчеты сделаны при участии В. Блинова.

Напомню главное. Наше общество крайне рыхло и неопределенно, у людей, что называется, “каша в голове”. Они крайне податливы к пропаганде СМИ, конечно, в случае, если эта пропаганда соотносится с теми архетипами “по Магросовой”, о которых только что шла речь. На один вопрос анкеты респондент может отвечать как либерал-рыночник, а на другой – как социалист-державник. Любая классификация в этой связи сталкивается с задачей распознавания “размытых множеств”, как называют эти объекты математики. Попытка компьютерной классификации постов в социальных сетях дает пока не более 60% устойчивого результата.

Именно поэтому многолетний опыт классификации общественного мнения по идейно-политическим ориентациям склоняет в сторону интуитивной классификации, при которой “видимым” типам соответствует некая “идеальная” матрица индикаторов, а каждый конкретный респондент попадает в ту или иную группу в зависимости от того, сколько “соответствий” с “идеалом” он наберет. Соответствия волюнтаристски, в качестве рабочих гипотез, устанавливает сам исследователь. Например, если ты либерал, то должен поддерживать минимизацию роли государства в различных сферах жизни, если демократ – быть противником режима “сильной руки” и т. д. Это применяется в случае проведения опроса в сети. Когда же речь идет об абсолютно свободном, “открытом”, контенте – обычно довольствуются более простой, более примитивной классификацией, отражающей только самую значимую и наиболее устойчивую общественно-политическую дифференциацию.

Чтобы не быть голословным, приведу результаты ответа на вопрос о желаемом будущем России – ключевого для выявления идейно-политических ориентаций. Можно было выбрать до трех закрытий, так как они не являются строго альтернативными. Согласно этим данным, доминирует “левая” голова консервативного запроса: за справедливость в будущей России выступают 59% опрошенных; за “сильную, жесткую власть” – 26%; за возвращение к “моральным традициям и ценностям” – те же 26%. Это примерная величина “правой” головы – державной.

В целом же, как показали результаты нашего опроса, а также данные других социологических центров, состояние общественного мнения России вступило в фазу высокой турбулентности, когда одновременно действуют несколько разнонаправленных тенденций. Первая из них состоит в медленном, постепенном нарастании чувства усталости от власти и недовольства работой государственных и политических институтов страны. Это чувство усталости проявилось еще зимой 2011–2012 гг., когда в Москве и других городах страны прошли многочисленные протестные акции, которые формально были спровоцированы непрозрачностью подсчета голосов на думских выборах 2011 г., но фактически за ними стояло недовольство решением Путина баллотироваться на третий срок в 2012 г.

В чем же первопричины левой направленности “образа будущего”? Несмотря на годы стабильности и относительного достатка, российское общество так и не смирилось с ситуацией глубокого общественного неравенства, вызванного не до конца продуманными реформами начала 1990-х гг. и так и не преодоленного до дня сегодняшнего [Бызов 2014; Бызов 2001]. Опросы рисуют картину, остающуюся в целом неизменной, классового, глубоко стратифицированного общества, наполненного глубокой агрессией, пожалуй, более разобщенного чем когда-либо в своей новейшей истории. Налицо ситуация тотального недоверия граждан и друг к другу, и к власти. Сегодняшний магистральный запрос на “социализм” носит ярко выраженный социал-национальный (или, если этот термин вызывает плохие ассоциации – социал-патриотический) характер. Но это запрос старшего поколения, который в гораздо более слабой мере поддерживается младшими поколениями. На мой взгляд, эти данные не позволяют говорить о “левом повороте”, “левой альтернативе”.

“Левый поворот” – это определенная переоценка реальности. Чтобы говорить о нем в настроениях избирателей, нужно зафиксировать, по меньшей мере, запрос на солидарность – готовность к коллективным действиям в отстаивании прав на труд и достойное его вознаграждение. Этот запрос предполагает активистскую установку – порыв, ищущий выхода в коллективных протестных действиях. И не просто порыв, а спонтанную организа-

цию в форме профсоюзов и комитетов прямого действия. Наблюдается ли что-то похожее? Ответ – нет. Фиксируются только отдельные протестные акции, в основном ущемленных частных предпринимателей (малый бизнес) и зависимых от них наемных работников.

Тем не менее настроения многих избирателей действительно демонстрируют выраженный негативизм в отношении сложившегося в стране положения. Только этот негативизм и формирующий вокруг него запрос отнюдь не “левый” поворот. Нынешний запрос предполагает пассивную установку – кто-то (не сам переживающий субъект) должен прийти и исправить неприятную ситуацию. Кто-то (не сам субъект) должен взять на себя ответственность за действия по исправлению сложившегося положения. Отсутствие массовых коллективных протестных действий притом, что негативизм действительно довольно силен, говорит о том, что атомизация избирателей не преодолена, а скорее наоборот – *именно атомизация определяет логику поведения*. Большинство людей хотят, чтобы кто-то пришел и решил их проблемы. И они готовы держаться за эту сильную руку, так как выживание при пассивной установке может осуществляться, главным образом, путем поиска субъекта, которому люди выражают согласие подчиниться. Не случайно никакие “левые фронты” и тем более профсоюзы не пользуются в современной России массовой поддержкой, а КПРФ, по крайней мере в период четвертьвекового руководства партией “вечным” Г. Зюгановым, в гораздо большей степени отражала государственно-клерикальные идеи, чем собственно левые.

Впрочем, политический кризис, вызванный и крайне непопулярной в обществе пенсионной реформой, может снова “надуть паруса” КПРФ (“спящей оппозиции”, по выражению Е. Шульман), особенно если внутри партии произойдет смена поколений и к руководству придут политики, готовые заниматься политической борьбой, а не ее имитацией. Общество сильно обеспокоено положением дел в социальной сфере, в экономике, но его в разы меньше волнуют демократия, выборы, права человека. Об этом красноречиво говорят и данные таблицы 2: справедливость, равенство, “советский человек” вкупе со свободой – вот основной вектор нынешнего общественного мейнстрима. В определенной степени этот вектор можно охарактеризовать как социал-демократический (конечно, с большой поправкой на российские реалии, и совсем не похожий на европейскую социал-демократию, так как отношение к “западному пути” в России остается чрезвычайно негативным).

Таблица 2

Отношение россиян к некоторым социальным понятиям (в %)

Понятия	Скорее положительные эмоции	Нейтральное отношение	Скорее отрицательные эмоции	Не понимаю смысл данного слова
Капитализм	10	52	33	3
Советский человек	55	36	7	0
Равенство	64	30	4	1
Справедливость	83	13	2	0
Свобода	76	20	2	1
Запад	18	55	24	1

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, октябрь 2018 г.

При этом как и внутри “консервативного большинства” с его двумя “подпартиями” – национал-патриотов и левых, где вторые постепенно берут верх, среди либерального меньшинства, которое быстро левеет, тоже намечается крен в сторону социал-демократической идеологии. В результате и справа, и слева все большую популярность приобретает модель социально-ориентированного капитализма с государственным регулированием определяющих сфер жизни и широкой экономической свободой на его “нижних” этажах – в мелком и среднем бизнесе, в торговле и сфере обслуживания.

Представления о желаемом будущем России

В нашем опросе мы интересовались, какие из нижеприведенных идей и лозунгов в наибольшей степени выражают ваши представления о желаемом будущем России? При чем просили дать не более трех вариантов ответа. В результате 58% набрала “социальная справедливость”; 36% получила позиция “права человека, демократия, свобода самовыражения личности”; 32% – “Россия должна снова стать великой державой”; 26% – “сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок”; столько же – “возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем”; 14% – «сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в “общеевропейский дом”»; столько же – “свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику”; 12% – “Россия, в первую очередь, для русских”.

Впервые за четыре года зафиксирован рост запроса россиян на демократию с 27% до 36%. “Права человека, демократия, свобода самовыражения личности” стали второй по значимости ценностью. Но запрос на перемены все сильнее связывается с левопопулистской мечтой о социальной справедливости, оказавшейся с большим отрывом на первом месте. При чем эта мечта скорее демократическая, чем авторитарная, чего мы не наблюдали с первой половины 1990-х гг. Снова процитирую Белановского, по оценке которого очень значимо вырос запрос на демократию, понимаемую в первую очередь как прозрачное и публичное обсуждение важных вопросов (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=634738540297142&id=10001283004872). По мнению респондентов, в стране сложилось абсолютно неприемлемое социальное расслоение, которое становится наследственным, поскольку родители, имеющие власть и деньги, дают своим детям хорошее образование (часто за рубежом) и устраивают их в различные “теплые” места. Общество расслоилось на наследственную “номенклатуру” и обнищавший народ. Какая уж тут демократия?

Согласно исследованиям ИС ФНИСЦ РАН, в последний период (2016 г.) больше половины опрошенных (52%) считают, что полноценная демократия в России так и не состоялась. Простые люди в “демократической” России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным. Альтернативных точек зрения, согласно которой “демократия вообще не походит для России”, и близкой к ней, что “Россия не созрела для настоящей демократии”, придерживались, соответственно, 16% и 14%, то есть в сумме около 30%. Между тем на еще более прямой вопрос об особенностях российской демократии 80% опрошенных выражали в целом негативное к ней отношение, заключающееся в том, что “эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей”. И вот в 2018 г. мы увидели явное возвращение интереса общества к демократическим идеям. Это, конечно, в позитиве, так как установка на сильную авторитарную власть исчерпала себя в стране, где почти 20 лет строится административная вертикаль, а порядка не только не прибывает, но и очень сильно убывает, точнее формируется порядок, все более воспринимающийся как неприемлемый для общества.

Это общая масса опрошенных. Однако в своей значительной части она состоит из конформистской части общества, не имеющей собственных взглядов. По мнению К. Рогова, не верящие официальным данным часто апеллируют к двум политсоциологическим гипотезам: эффекту “сверхбольшинства” и эффекту “спирали молчания” Э. Ноэль-Нойман. Под действием первого эффекта средний избиратель, не имеющий четких политических представлений (что нормально), вынужден присоединяться не столько даже к точке зрения условного “телевизора”, сколько к мнению большинства людей, которые, как он знает, думают примерно так, как говорят в телевизоре. Гипотеза “спирали молчания” описывает несколько иной эффект и социологические реакции другого уровня. В ее центре предположение о страхе изоляции, страхе человека оказаться вне общности, в которой он живет. Если эффект “сверхбольшинства” увеличивает число тех, кто говорят “да”, то есть

поддерживают режим, то “спираль молчания” сокращает число тех, кто говорят “нет”. Некоторые скептики проще объясняют “крымскую аномалию”: опрашиваемые в условиях частичной мобилизации просто боятся высказывать свое истинное мнение и дают неправдивые общественно одобряемые ответы [Рогов 2014].

Из таблицы 3 видно, что “демократы” и “социалисты” (левые группы) в наибольшей степени испытывают социальное напряжение. Это относительно бедные и слабо адаптивные группы населения, и они более негативно оценивают обстановку в стране (хотя и не как катастрофическую), чаще полагают, что “страну ждут тяжелые времена”.

Таблица 3

Отношение различных групп общества к социально-экономической ситуации в стране (в%)

Группы	Демократы	Социалисты	Либералы	Державники
Нормальная спокойная атмосфера в стране	28	28	40	38
Напряженная кризисная атмосфера	55	53	46	50
Катастрофическая атмосфера	8	7	6	6
Страна будет развиваться успешно	17	17	24	26
Страну ждут трудные времена	51	49	47	41
Угрозы в основном из-за рубежа	41	48	40	54
Угрозы в основном внутри России	41	35	41	35

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Представители консервативного большинства в большей степени разделяют мнение, что основные угрозы России исходят из-за рубежа (от США, Запада), но и среди более либерально ориентированных групп представления о внешней угрозе также занимают значительное место – фифти-фифти с угрозами внутренними. Это очень важный показатель, так как официальная пропаганда делает все возможное, чтобы возложить ответственность за трудности, которые испытывают граждане страны, на “коварные действия” противника. Опрос показывает, что воздействие этой “истины” ныне ослабевает, но все еще влияет на большую часть общества, являя мощный фактор, играющий в пользу режима, власти в целом.

Аналогично в целом большая часть россиян (63%) воспринимала в 2016 г. общее направление, по которому идет современная Россия, как позитивное, которое даст в перспективе положительные результаты (см. табл. 4). В 2018 г. эта цифра сократилась до 53%, хотя все еще превышает арифметическое общественное большинство. В наибольшей степени это мнение характерно для державников, в наименьшей – для демократов. Именно “демократы”, то есть в своей основе обычная демократическая интеллигенция, сегодня является главным носителем протестных настроений. Среди них 35% не доверяющих Путину – это самая большая цифра в 2018 г. В то же время наибольшими лоялистами остаются “державники”, все еще питающиеся духовной атмосферой “Крымнаш” и “Русской весны”. Для них Путин – охранитель русского мира против враждебного Запада. Конечно, все эти различия не особенно четко выражены и проявляются лишь на большом статистическом материале.

Посткрымский консенсус заставил большую часть националистов и державников занять охранительные позиции, оставив критику режима левым (в большей степени левым либералам, в меньшей – левым консерваторам). Власть все последние годы практически полностью удовлетворяет запрос “державников” разного оттенка. Наибольший уровень непримиримых критиков режима – по 15% – зафиксирован в группах, скорее тяготеющих к европейским социал-демократическим ценностям сторонников социальной справедливости, самоуправления, сближения с Европой и развития политической демократии. Очевидно, что больше половины националистов, еще накануне “крымской эпопеи” относившихся резко критично к российским властям, примкнули к мобилизованному властям большинству.

Таблица 4

**Отношение отдельных групп общества к власти и курсу, которым идет страна
(в %)**

Группы	Демократы	Социалисты	Рыночники	Державники
Доверяют Президенту РФ	49	57	54	64
Не доверяют Президенту РФ	35	27	32	24
Улучшилось отношение к Путину за последний год	13	13	17	20
Ухудшилось отношение к Путину за последний год	42	37	37	31
Путь, по которому идет страна, правильный	46	55	49	61
Путь, по которому идет страна, ведет в тупик	54	45	51	39

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Что касается запроса на перемены, о котором я писал уже не один раз, то он в основном связан с массовыми общественными настроениями в отношении базовых принципов социальной справедливости (“левый популизм”) и его ни в кем случае нельзя трактовать как желание вернуться в эпоху 1990-х гг., к продолжению либеральных экономических и политических реформ. По данным ИС ФНИСЦ РАН, общество стремится к социальной справедливости, к борьбе с коррупцией (до 70%), к усилению обороноспособности страны (28%) и в гораздо меньшей степени – к усилению экономических и политических свобод и к сближению со странами Запада (по 10%).

Из таблицы 5 хорошо видно, что активнее всего за перемены выступает наименее многочисленная, но активная группа рыночников, которые эти перемены трактуют отнюдь не в социалистическом ключе. А вот социалисты как раз к этим переменам не особенно стремятся. И понятно почему. Это наиболее незащитные, уязвимые группы людей, и перемены не могут не вызывать у них чувства страха, как бы ни была неприглядна реальность, в которой они живут. Рыночники же – прекрасно адаптировавшаяся группа, они верят собственной инициативе, готовы обеспечить себя сами, без помощи государства, и одновременно ждут перемен, объективно в наименьшей степени в них нуждаясь. Так, 61% “рыночников” утверждают, что смогут обеспечить себя и свои семьи без помощи государства, и 73% надеются на перемены. “Социалисты” же лишь в 47% ждут перемен, и только 42% из них готовы обойтись без поддержки государства.

Таблица 5

Запрос на перемены и готовность обеспечить себя самим (в %)

Группы	Демократы	Социалисты	Рыночники	Державники
Необходимы перемены	63	47	73	51
Смогут себя обеспечить без поддержки государства	48	42	61	45

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Можно было бы сказать, что имеет место социал-демократический запрос, если бы этот термин не был дискредитирован в российском историческом контексте марксистской традицией, так же как вполне нейтральный изначально термин “национал-социализм”. Социал-демократия – это в первую очередь Европа. На волне посткрымской мобилизации Европа стала восприниматься враждебно (как, разумеется, и США). В особенности ухуд-

шилось отношение к Германии, активно поддерживавшей антироссийские санкции. Однако в 2018 г. вектора на Запад и Восток снова оказываются почти в равновесии, а доля тех, кто хотели бы улучшения отношения со странами Запада, также выросла до 50–55%, хотя, разумеется, в разных группах по-разному (см. табл. 6).

Таблица 6

Отношение отдельных групп россиян к ведущим странам Запада и установка на преодоление конфронтации с Западом (в %)

Хорошо относятся к	Демократы	Социалисты	Рыночники	Державники
США	23	11	35	19
Германии	46	34	59	34
За преодоление конфронтации с Западом	64	53	63	40

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Есть ли альтернатива социалистическому запросу в виде дальнейшего усиления запроса державного? Еще несколько лет назад казалось, что есть. У россиян появилось и укрепилось ощущение “единой нации” (по данным ВЦИОМ, с 2012 по 2017 г. численность тех, кто согласны с лозунгом “Мы – единая нация”, выросла с 23% до 54% [Бызов 2018]). События 2014 г., сыгравшие огромную роль, независимо от их оценки, пока еще только становятся предметом профессионального обсуждения с точки зрения не только внешней политики, но и их влияния на состояние российского общества.

На практике мы наблюдаем атомизированное посттрадиционное общество, живущее в соответствии с индивидуальными стратегиями выживания и ориентированное на ценности массового потребления, с во многом разрушенными семейными традициями, низким уровнем солидаризма и самоорганизации. Это тот случай, когда матрица общественного автостереотипа, представлений общества и нации о самих себе, вступает в резкое противоречие с объективными оценками состояния общественной морали и правосознания. Однако сфера политического выбора, формирования массового сознания в государственно-политической сфере во многом относится также к сфере “идеального”, декларативного, и как результат на практике в большей степени воспроизводит архетипические пласты сознания, чем реальные интересы и мотивации. Но на уровне парадных ценностей сплочение безусловно присутствует. По данным ВЦИОМ за 2016 г., начиная с 2014 г. примерно с 55–60% до 70% выросла доля тех россиян, которые гордятся своей страной. А по данным Левада-Центра за то же время с 55–58% до 75–78% выросло число тех, кто гордится символами России – ее флагом, гимном и т. д. [Гудков 2018]. Печальный опыт попыток выстраивания “русского мира” – и в России, и за ее ближними пределами – позволяет предположить, что “силовой” сценарий модернизации в нынешней России, где отсутствует в должном объеме необходимый человеческий ресурс, не может пойти далее построения бюрократической “вертикали власти”, что уже реализовано в 2005–2008 гг.

Любые попытки установления диктатуры, даже с модернизационной идеологией, обречены на достаточно быстрый провал. Да и сама “путинская вертикаль” во многом оказалась “игрушкой на один день” и последние годы подвергается эрозии. Россия на сегодняшний день исчерпала все возможности для “половинчатой” и “верхушечной” модернизации, которая может обернуться лишь нарастанием хаоса и процессов деградации. Едва ли возможна традиционная для России модернизация “коллективистско-мобилизационного типа”, ибо разрушен ключевой социальный и культурный ресурс, необходимый для модернизаций подобного вида – русский патриархальный уклад, традиционно отождествляемый с деревней и крестьянством. Не дождавшись импульсов “снизу”, власть принялась строить национальное государство “сверху”, взяв за основу новой субъектности государственную бюрократию и крупные государственные корпорации.

“Связать” общество корпоративно-бюрократическими интересами не удалось, пропасть между обществом и государством не преодолена, а само общество если и порождает субъектность, то на уровне малых групп, не готовых взять на себя представительство национальных интересов как таковых, а сами эти “национальные интересы” остаются лишь продекларированными властью, но, по сути, “бесхозными”. Как и прежде, русских невозможно объединить на основе этнической идеи. Этническая энергетика русских крайне слаба, и сама по себе не способна стать основой формирования эффективной государственности. Это означает, что даже если “русская Россия” гипотетически будет создана, перед ней встанут те же проблемы, связанные с центробежными силами распада, с которыми она сталкивается последние два десятилетия. Объединить сегодняшних русских можно только вокруг идеи эффективного национального государства и связанного с ним социального проекта. В противном случае весьма вероятен новый распад, чреватый утратой единой государственности.

Начал подвергаться сомнению и “державный легизм” власти. Для людей главным приоритетом становятся социально-экономические вопросы. Согласно данным опроса Левада-Центра, внешнюю политику президента России в июле 2018 г. поддерживали 16% россиян. В то время, как в 2016 г. внешнеполитический курс Путина одобряли 22% респондентов и называли это одним из главных плюсов главы государства [Кузнецов 2018]. Оставим сами цифры на совести интерпретаторов опроса, в котором, судя по всему, задавались вопросы в открытой форме, без подсказки, что фиксирует лишь “ядерную” часть поддерживающих. Важны не сами цифры, а выявленная тенденция.

Вопрос о развитии экономики России, благосостояния ее граждан становится центральным в представлениях россиян о будущем своей страны. На вопрос о том, что должна делать Россия, чтобы снова стать великой державой, уверенное большинство в 67% утверждает, что для этого необходимо иметь развитую современную экономику, 66% – иметь высокий уровень благосостояния граждан (практически это то же самое). Много, но только 41% полагают, что статус державы могут обеспечить мощные вооруженные силы. А такой вариант, очень популярный в 2014 г., как “получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР”, собирает всего 7% сторонников (причем отмечу, что этот процент получен в мягком рейтинге, дающим возможность выбрать до трех ответов). Это позволяет подтвердить ранее сделанный вывод о том, что внимание россиян переносится с внешней политики на внутреннюю и представление о России как о державе переживает значительную трансформацию. Экономически процветающая держава с мощными вооруженными силами – такова теперь “мечта” новых поколений российских граждан.

Еще одним важнейшим маркером изменения, точнее – некоторой трансформации настроений россиян в отношении внешней политики стал их взгляд на события в Крыму, на Украине и в Сирии. Крымский консенсус не потерял силы. Как и раньше, подавляющее большинство россиян видят в присоединении Крыма больше позитива (80% и 75%, соответственно). Россияне и ранее считали Крым исконно российским, а русские жители Крыма видели себя россиянами, оказавшимися на Украине в силу исторического недоразумения. Позитивное отношение к присоединению Крыма – отнюдь не свидетельство имперских амбиций россиян, если речь идет о большинстве, а не о сторонниках идеологии “Изборского клуба”. Скорее всего, крымский консенсус останется внешнеполитической константой вне зависимости от того, кто будет руководить страной.

Но существенно изменилось за последний год отношение к событиям в Донбассе. Если в 2014 г. поддерживавших участие России в этом конфликте был 51%, то ныне их около 30%. В продолжении военного противостояния, не приносящего счастья никому из его участников, россияне больше не видят смысла, причем во всех группах общества (см. табл. 7). Меньше симпатий стали вызывать и республики ДНР и ЛНР с их беспредрывной чехардой у власти, убийствами, разборками и т.п., сильно дискредитирующими данные анклавы-республики в глазах наших соотечественников. К тому же большое раздражение вызывает поток гуманитарной помощи, направляемой Россией в Донбасс, в условиях, когда в ней крайне нуждаются, скажем Хакасия или Тува. Если отношение

россиян к западным санкциям остается неизменно негативным (67%), то, как уже отмечалось выше, в полтора раза с почти 80% до 47% снизилось число сторонников введенных Россией контрсанкций против западных товаров и продуктов.

Наконец, почти в три раза упала поддержка действий России в Сирии – с 63%, когда Россия успешно громила ИГИЛ, до 26%, когда ИГИЛ уже разгромлен, а Россия ”подписалась” экономически и военно поддерживать режим Б. Асада в Дамаске. Война, которая уже неоднократно заканчивалась (по крайней мере российская война), фактически продолжается. Сообщается, что Россия в Сирии прокладывает дороги, строит детские садики, раздает гуманитарную помощь. А это вызывает все большее раздражение нищающей российской глубинки.

Такие перемены в общественном мнении кажутся очень важными и значительными. Не случайно уже после президентских выборов в марте 2019 г. общественное мнение начало выходить за “красные линии” прежнего консенсуса, стала снижаться оценка внешнеполитической деятельности руководства РФ. Снижаются рейтинги С. Лаврова, Д. Рогозина и С. Шойгу, о чем неоднократно заявляли ВЦИОМ и Левада-Центр. Но пока эти перемены говорят лишь о том, что россияне устали от Украины и Сирии, их все больше раздражает бесконечное бросание денег и ресурсов в эти “бездонные бочки”. Таким образом, и политика посткрымских времен все в большей степени начинает восприниматься как слабость, а не как сила режима. А “русская партия”, формировавшаяся в постсоветской России из националистов разного градуса и разных идеологий, связав свою судьбу с теряющим поддержку режимом, в значительной степени оказалась погребенной под глыбами политического охранительства. Как это ни печально, что-то похожее можно сказать и про РПЦ, в отношении которой опрос ИС ФНИСЦ РАН выявил в 2018 г. значительное снижение общественного доверия. Необходимо добавить несколько слов и о судьбе националистов в современной России. Казалось бы, “русская весна” должна была бы дать новый импульс самосознания националистов, но на практике этого не произошло (см. табл. 8). Число сторонников лозунга “Россия для русских” остается незначительным, а сами националисты – скорее маргинальным политическим течением, которое прессуется властями не менее жестоко, чем либеральная оппозиция.

Таблица 7

Поддержка в отдельных группах россиян аспектов внешней политики РФ (в %)

Группы	Демократы	Социалисты	Рыночники	Державники
Присоединение Крыма	70	78	64	83
Участие России в военных действиях в Донбассе	25	31	27	38
Участие РФ в войне в Сирии	21	26	26	35

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Таблица 8

Поддержка отдельных ценностей в различных группах общества (в %)

Группы	Демократы	Социалисты	Рыночники	Державники
Поддерживают лозунг “Россия для русских”	7	9	7	11
Поддерживают лозунг “Православие – оплот российской государственности”	22	34	20	45
Считают, что “РПЦ следует заниматься своими церковными делами”	78	66	80	55

Источник: опрос ИС ФНИСЦ РАН 2018 г.

Из сказанного можно сделать вывод, что в России начался политический транзит, причем в условиях углубившегося социального раскола, доходящего до взаимной ненависти. По мнению уже цитировавшихся выше Белановского, Дмитриева и Никольской [Белановский, Дмитриев, Никольская 2019], в России сложилось шаткое равновесие, которое может продлиться весьма долго. Замешено это равновесие на крайне простой вещи: россияне фактически отказались от будущего. Они его не видят и не жаждут видеть. Есть консенсус, что станет хуже, но никаких коллективно-практических действий, направленных на исправление ситуации, он не подразумевает. То есть условный Путин поступил весьма мудро, не предложив населению за 18 лет ровным счетом никакого образа будущего. В этом достигнут своеобразный паритет: россияне этого образа не взыскивают, а власть его и не предлагает.

Перечисленные новации, отслеживаемые по сетям и по сдвигам в массовом сознании, хорошо укладываются в типичную картину *нарастания контрэлитного популизма в массовом сознании*. Основная причина этого – самый длительный кризис за весь период перехода к рыночной экономике, негативно сказавшийся на уровне жизни и постепенно усиливающий неудовлетворенность сложившейся ситуацией внутри страны. Смещение в сторону внутреннего локуса контроля в этом контексте служит признаком усиления контрэлитных настроений, перспектив ослабления влияния власти на массовое сознание (особенно с помощью центральных телеканалов) и запроса на более конкурентную электоральную политику, где появится возможность выбирать внесистемных кандидатов, не поддерживаемых властью.

Готовность к переменам, в том числе к быстрым, непроверенным и рискованным, польза от которых может оказаться весьма сомнительной, указывает на стремление искать быстрый выход из создавшегося положения, даже если этот выход – мнимый, и он только усугубит ситуацию. Проект пенсионной реформы, сырой, необдуманный, больше похожий на авантюру, – яркое подтверждение сказанному. Правда, Белановский с соавторами постоянно сетует на нехватку “Большой социологии”. Однако для ответа на эти вопросы у нас пока недостает социологических данных. Новые изменения в массовом сознании порождают новую повестку на стыке социологических, социальных и психологических исследований, которые могли бы уменьшить неопределенность в отношении дальнейших перспектив социально-политического развития. В любом случае социально-политический фон развития страны в очередной раз начал стремительно меняться, и для понимания возможных последствий этих изменений нужны новые исследовательские подходы, которые еще предстоит сформулировать.

Российское общество, пребывающее в состоянии постмобилизационной ломки, снова вступает в свои исторические, много раз пройденные круги русской смуты. Постмобилизационная ломка очень опасна, особенно в условиях, когда ни у одной политической силы нет никакого конкретного видения будущего. В XXI в. в стране сложилось общество без будущего, все ресурсы которого бросаются в топку сегодняшнего выживания, а выживать становится все труднее и труднее. Внутренних скреп при всех разговорах о “скрепах” как не было, так и нет. Явное недовольство политикой Центра удаленной периферии (что ясно показали осенние выборы на Дальнем Востоке) чревато возникновением политической гангрены, и чем она кончится, легко себе представить. Возбужденные призраком “русской весны” пассионарные личности при крутых разворотах власти могут стать ее наиболее непримиримыми и опасными противниками.

Новый президентский срок Путина начался в очень сложной обстановке, и поддержка 76% голосов на выборах не меняет сути дела. Во внутренней политике у власти мало ресурса для политического маневра: возможностей резко менять экономический и политический курс очень немного. Общество радикализировано и наэлектризовано, от былого сонного равнодушия не осталось и следа. Под боем сейчас оказываются в первую очередь местные власти, регионы и муниципалитеты, которые совсем не привыкли работать под

напором общественного недовольства, а себя воспринимают как часть “вертикали”. Пока, борясь за свои локальные интересы, протестующие избегают поднимать политические вопросы. Но неразумные действия власти, в особенности связанные с сетевыми ограничениями, сильно расшатывают этот негласный договор. Страна, хотим мы того или нет, готова или не готова, вступает в эпоху серьезных перемен трудных испытаний. Встретить их она должна с новыми современными политическими силами, институтами, в которых должны быть сосредоточены наиболее активные россияне всех убеждений, социальных слоев и поколений. Думаю, обновление политической системы должно начаться снизу, поскольку действующая “верхушечная” демократия так и не стала восприниматься обществом как важный государственный институт. Сегодня, если опять не произойдут события, нарушающие естественный ход вещей, страна может получить новый шанс, а значит, пережить без потрясений неизбежную трансформацию политического режима в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановский С. (2018) “Как плевок в лицо”: опрос показал отношение россиян к власти // МК. 14 июня.
- Белановский С., М. Дмитриев, А. Никольская (2019) Признаки фундаментальных сдвигов в массовом сознании россиян // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 5–18.
- Бызов Л. (2018) Идеиные рубежи крымского консенсуса // *Выборы на фоне Крыма: электро-ральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита*. Науч. ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ. С. 96–144.
- Бызов Л. (2014) Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // *Мир России*. № 4. С. 3–35.
- Бызов Л. (2013) *Контурь новорусской трансформации*. М.: РОССПЭН.
- Бызов Л. (2001) Первые контурь постпереходной эпохи. *Социс*. № 4. С. 3–22.
- Гудков Л. (2018) Общество патриотов. Россия удивляет. Интервью сетевому изданию “Русское ревью” (<http://russia-review.ru/index.php?id=92>).
- Деягин М. (2018) Стратегические требования к России: пора подумать о своих интересах // *Свободная мысль*. № 4. С. 5–11
- Кузнецов Д. (2018) В России снизилась поддержка курса внешней политики Владимира Путина (<https://dailystorm.ru/news/v-rossii-snizilas-podderzhka-vneshney-politiki-vladimira-putina>).
- Матросова Н.К. (2013) Архетип как форма ориентирующего сознания // *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. Вып. 1. С. 37–54.
- Общественное мнение–2018. Ежегодник (2019). М.: Левада-Центр.
- Рогов К. (2014) Правда ли, что 83% россиян поддерживают Путина? // *Forbes* (<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo>).

The value evolution of the “Putin consensus” in the first year of the last presidential term

L. BYZOV*

* **Byssov Leonty** – Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Sociology, RAS (Federal Research Sociological Center). Address: 24/35 Krzhizhanovskogo, 117218 Moscow, Russian Federation. E-mail: isras@isras.ru.

Abstract

In this article is based on comparative studies of the Institute of Sociology (FRSC) of RAS and VTSIOM of 2017–2019, the author analyses the transition process of the “Putin era” from the stage of consolidation on the basis of public consensus that emerged in 2012–2014, (the so-called “Crimean consensus”) to the current pre-crisis state. Although the after cannot be unambiguously interpreted as a split, value contradictions are growing, albeit very slowly. The idea of a strong and effective state is left to the least modernized segments

of population, while in the actual state frustration of all segments of society is growing stronging. The growing demand for change has not yet found any political “flesh”, which makes the inevitable transit of epochs extremely risky for the country and society. “Putin consensus” continues to live, despite the erosion from the flanks-first of all, the left liberals, the main opponents of the system.

Keywords: consolidation, imbalance, social contract, conservative majority, liberal minority, demand for change, legitimacy, European choice, Putin’s majority.

REFERENCES

Belanovsky S. (2018) “Kak plevok v litso”: opros pokazal otnoshenie rossiyan k vlasti [“Like a spit in the face”: a survey showed the attitude of Russians towards power]. *MK*, 14 June.

Belanovsky S., Dmitriev M., Nikolskaya A. (2019) Priznaki fundamental’nykh sdvigo v massovom soznanii rossiyan [Signs of fundamental shifts in the mass consciousness of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no. 1, pp. 5–18.

Byzov L. (2018) Idejnye rubezhi krymskogo konsensusa. [The Ideological Borders of the Crimean Consensus]. *Vybory na fone Kryma: elektoral’ny tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita*. Nauch. red. V. Fyodorova. [Elections against the background of the Crimea: the 2016–2018 electoral cycle. and prospects for political transit. Scientific ed. V. Fedorov]. Moscow: VTsIOM, pp. 96–144.

Byzov L. (2013) *Kontury novorusskoy transformatsiy* [Outlines of the new transformation]. Moscow: ROSSPEN.

Byzov L. (2014) Novoe konservativnoe bol’shinstvo kak social’no-politicheskiy fenomen [The new conservative majority as a socio-political phenomenon]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 3–35.

Byzov L. (2001) Pervye kontury postperekhodnoy epohi [The first contours of the post-transition era]. *Socis*, no. 4, pp. 3–22.

Gudkov L. (2014) *Obshchestvo patriotov. Rossiya udivlyayet. Interv’yu setevomu izdaniyu “Russkoe revyu”* [Society of Patriots. Russia is surprising. Interview to the online publication “Russian review”] (<http://russia-review.ru/index.php?id=92>).

Delyagin M. (2018) Strategicheskie trebovaniya k Rossii: pora podumat’ o svoih interesah [Strategic Requirements for Russia: It is time to think about your own interests]. *Svobodnaya mysl’*, no. 4, pp. 5–11.

Kuznetsov D. (2018) *V Rossii snizilas’ podderzhka kursa vneshney politiki Vladimira Putina* [In Russia, support for the foreign policy course of Vladimir Putin has decreased] (<https://dailystorm.ru/news/v-rossii-snizilas-podderzhka-vneshney-politiki-vladimira-putina>).

Matrosov N.K. (2013) Arhetip kak forma orientiruyushchego soznaniya [Archetype as a form of orienting consciousness] *Vestnik SPbGU*, ser. 17. vyp. 1, pp. 37–54.

Obshchestvennoe mnenie–2018. Ezhegodnik (2019) Public Opinion–2018. Yearbook. Moscow: Levada-Centre.

Rogov K. (2014) Pravda li, chto 83% rossiyan podderzhivayut Putina? [Is it true that 83% of Russians support Putin?] *Forbes* (<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo>).